

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a light-colored button-down shirt. He has his arms crossed and is looking directly at the camera. The woman, on the right, is wearing a strapless white dress with floral details and has her hair styled in an updo. She is looking down and to the right. The background is dark with some blue lighting.

ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Заложница
АВТОРИТЕТА

Екатерина Ромеро
Заложница авторитета.
Я тебя сломаю
Серия «Криминальная любовь»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67597179
SelfPub; 2023*

Аннотация

Я сделала единственную в своей жизни ошибку, за которую стала собственностью жестокого и беспощадного криминального авторитета. Он придет за мной, и отрабатывать свой долг мне придется... в его постели.— Нет, пожалуйста! Я жить хочу, жить!— Ты сделала свой выбор. Днями будешь в клубе пахать, а ночами... в моей постели. А это — чтоб урок запомнила и ни один мужик больше не повелся на твое смазливое лицо. Громко вскрикиваю, когда щеку обжигает острое, жгучее пламя от соприкосновения с лезвием. Кажется, нож разрезал ее полностью, от виска до подбородка. #эмоции на пределе #жестокий властный герой #девственница #от ненависти до любви Предупреждение — история не лайтовая!

Екатерина Ромеро

Заложница авторитета.

Я тебя сломаю

Глава 1

Сильный, напористый стук в дверь посреди ночи заставляет меня вскочить на кровати. За день работы официанткой я так вымоталась, что сейчас едва волочу ноги, бредя по полутемному коридору, по пути растирая глаза руками.

На мне простая домашняя ночнушка на тонких бретелях, с небольшим вырезом. Я ступаю босиком по холодному полу старенькой съемной квартиры и уже проклиная того, кто посмел нарушить мой сон.

Здравый рассудок заставляет меня подняться на цыпочки и взглянуть в глазок, прежде чем открыть дверь, но по ту сторону такая темнота, что проще разглядеть черную кошку на смоляной стене.

Прислушиваюсь к малейшим звукам. Совсем близко из-за двери доносятся тихие, но басистые голоса, явно мужские. Затихаю. Сделаю вид, что меня тут просто нет.

Нервно перебираю пальцами край ночной сорочки, сердце набирает темп. Ну пожалуйста, уходите уже. Прикрываю рот рукой в немом крике, когда в дверь, наконец, перестают стучать, но на смену этому мой замок сам тихо проворачива-

ется дважды, издавая характерный щелчок. Отмычка...Замок их не остановил.

Тени медленно заходят в мою квартиру. Кажется, их четверо. Огромные страшные амбалы проникают в это жилище как к себе домой. Их взгляды зажигаются, когда в темноте они быстро обнаруживают меня, прижимающуюся к стене.

Резко включается свет, отчего я вынужденно жмурюсь и еще больше стараюсь прикрыться. Мне страшно, а еще – дико некомфортно находиться перед ними полуголой.

– О, а вот и наша голубка!

Первый мужчина подмигивает мне и грязно облизывается, глядя на мою ночнушку. Громко сглатываю. Такой компании я точно не ждала.

Быстро окидываю их взглядом. Высокие, крепкие мужчины явно бандитской наружности. В их лицах я не встречаю ничего, кроме ненависти. В мой адрес.

– К... кто вы?

Мужчины отвечают только смешками, продолжая надвигаться на меня, отчего я невольно пячусь назад. В какой-то момент они расступаются, пропуская ЕГО. Высоченного, крупного мужчину в черном пальто. Его лицо как у хищника – мертвенно спокойное, злое, готовое убить одним только взглядом черных глаз. Он смотрит на меня так, словно я сделала ему что-то самое плохое, что только придумать можно, вот только вижу я его точно впервые в жизни.

– Ну привет, кукла. Вот ты какая, оказывается. Мы за то-

бой.

Мужчина быстро подходит ко мне вплотную, прижимая к стене. Невольно отмечаю, что я совсем малышка перед ним, едва достаю ему до груди. Мне страшно смотреть ему в глаза, поэтому я невольно отворачиваю голову. Кажется, он меня сожрет живьем прямо сейчас.

– Пошли, побеседуем. Тихий, двери закрой.

Вскрикиваю, когда главарь больно хватает меня за предплечье и ведет в комнату. Его один шаг равен моим трем, поэтому я вынуждена практически бежать, пока он тащит меня в спальню.

Пытаюсь вырвать руку из жесткого захвата, но это все равно что с танком бороться. В голове набатом стучит страх и пульсирует адреналин. Судорожно ищу, чем можно защититься, но, кроме чайника на кухне, ничего на ум не приходит.

– Пустите, мне больно!

– Молчать. Я даю тебе только один шанс рассказать, где мой брат и зачем ты сдала остальных, тварь.

Пытаюсь лихорадочно переварить сказанное. Брат, брат, какой брат? Осознание набатом бьет по голове. Боже, это все же случилось. Он нашел меня... Мой кошмар... он стал явью.

– Я ничего не знаю, правда. Отпустите меня!

– Не смей врать, сука! Я четверых парней сам закопал по твоей милости за последний месяц, а Арсена так и не нашли

до сих пор. Говори, шалава, иначе я за себя не ручаюсь.

Его рука сжимается все сильнее, и кажется, я сейчас сва-люсь от боли прямо тут, позорно распластавшись на полу.

– Пожалуйста, я не виновата ни в чем, я не знаю, где Ар-сен! Я не хотела, не хотела! Ай, вы делаете мне больно!

Открываю рот в немом крике, когда мужчина, удерживая обе мои руки своей одной огромной лапой, вынимает нож из кармана. Он что-то нажимает, после чего появляется острое лезвие из рукояти. Оно ярко блестит на свету, красиво отда-вая бликами, и я понимаю: этот зверь не шутит. Он готов на все.

Головорез медленно проводит ножом по моему плечу, опускаясь к ключице и груди. Острие лезвия внезапно подде-вает тонкую петельку ночнушки, перерезая ее. Холмик мо-ей высокой груди оголяется перед ним, и я резко дергаюсь, чтобы прикрыться, но мне никто не дает этого сделать.

Ловлю стальной взгляд черных глаз мужчины. Они пыла-ют огнем ненависти ко мне, а еще... жадно сканируют мое тело. Не могу понять, нравится ли ему то, что видит. Кажет-ся, он готов меня растерзать прямо тут. Ни капли жалости или сострадания в нем нет. Для него я не человек, а лишь мошка, которую он запросто может раздавить ногой.

Низкий, ни с чем не сравнимый голос басит прямо передо мной, а я... стараюсь не отключиться от этого кошмара.

– Я даю тебе уникальное право выбора. Сдохнуть по-тихо-му сейчас или до конца своих дней отрабатывать мне. Соб-

ственностью моей будешь. Без права голоса, выбора и желания.

Молчу, дрожь не дает проронить и слова. Дыхание спирает, пытаюсь понять суть сказанного. Все словно заторможено, ненастоящее, другое. В конце концов, такого просто не может быть.

– Правильный выбор. Мучиться не придется.

Лезвие ножа больно упирается в мой правый бок, и я вскрикиваю от страха. Осознание всей серьезности ситуации наконец доходит до меня. Слезы застилают глаза, меня всю трясет от разгорающейся истерики.

– Нет, пожалуйста! Я жить хочу, жить!

– Ты сделала свой выбор. Днями будешь в клубе пахать, а ночами... в моей постели. А это – чтоб урок запомнила и ни один мужик больше не повелся на твое смазливое лицо.

Громко вскрикиваю, когда щеку обжигает острое, жгучее пламя от соприкосновения с лезвием. Кажется, нож разрезал ее полностью, от виска до подбородка. Меня отклоняет назад, колени сами подгибаются, и я падаю.

Лихорадочно прикладываю руку к ране и с дрожью ее отдергиваю, смотря на свои пальцы. Кровь. Как же много крови! Алая жидкость переливается на пальцах. Мне страшно. А еще больно. Очень.

Начинаю всхлипывать, не могу остановиться. Плачу в голос, меня всю трясет от ужаса предстоящей расплаты. Собственность, он считает меня своей собственностью!

– Руслан, что делать с ней?

– Пакуйте.

Мужчина разворачивается и уходит, а мне на голову надевают мешок и быстро уносят из квартиры. Кажется, я в состоянии шока, поскольку даже не сопротивляюсь. Силы внезапно покидают меня, и я могу думать только об одном: этот зверь с черными глазами забрал меня себе.

Все это случается настолько быстро, что я не успеваю даже осознать в полной мере пережитое. Все мои мысли слипаются в кучу. словно отрешенная отмечаю, что меня вынесли из квартиры, а после уложили в багажник прямо в ночнушке.

На дворе глубокая ночь, где-то слышатся звуки сирены. Я чувствую, что мои руки связаны, поэтому не могу даже притронуться к пылающей щеке. Вся моя шея и грудь становятся мокрыми и липкими, и я заведомо предвижу: это моя кровь. Тошнота подступает к горлу. Кажется, еще немного – и я потеряю сознание.

Я лежу связанная в багажнике, поэтому меня качает из стороны в сторону. Пару раз больно ударяюсь головой о бортик. В какой-то момент истерика все-таки накрывает меня с головой, отчего я начинаю кричать что есть мочи, прося о помощи, которой, конечно, нет.

Музыка в машине становится громче, поэтому я больше не трачу сил на то, чтобы молить отпустить меня.

Я не знаю, сколько мы едем и куда. Первая волна шока проходит, и наступает понимание. Я знала, рано или поздно

Власов придет за мной, вот только до последнего надеялась, что этого не случится.

Задерживаю дыхание, когда машина останавливается. Слышатся какие-то звуки, после чего багажник открывается. Чьи-то грубые руки больно вытаскивают меня, ставя на ноги, вот только не стоят они уже. Кулем падаю на колени. С моей головы резко сдирают мешок. Я жмурюсь и пытаюсь сфокусировать взгляд хоть на чем-то, но плохо получается. Все плывет, двоится перед глазами.

Кажется, скоро закончится ночь, вот только страшные тени все еще мелькают надо мной. Голова жутко кружится, мне настолько плохо, что я едва соображаю, где я и что со мной происходит.

– Умар, глянь, какая-то вялая она. Гляди, подохнет раньше времени.

Мое лицо грубо перехватывают и поднимают, оглядывая, как лошадь на рынке.

– Шок, похоже. Руслан переборщил маленько. Врача надо, чтоб заштопал, а то кровью до утра истечет еще. Потом объясняй Власову, чего раньше времени копыта откинула, ведь он сам ее закопать хотел.

– Давай грузи ее.

Меня подхватывают, как бесчувственную куклу, и заносят в какое-то здание со светящейся неоновой вывеской. Кажется, это задний вход. Мы идем по длинному узкому коридору, проходя мимо множества близко расположенных дверей.

Издалека доносятся музыка и запах тяжелого сигаретного дыма. От этого спирает дыхание, дышать становится трудно. С детства не переношу аромат табака. Сразу же начинает мутить, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не стошнило прямо на плечо амбалу, который меня тащит.

Одна из дверей, наконец, открывается, и меня бросают внутрь прямо на пол. Больно ударяюсь рукой и коленями. Не успеваю собраться, поэтому приземляюсь кулем. Лихорадочно пытаюсь оглядеться по сторонам, но глазам трудно привыкнуть к темноте. Подползаю к стене и обхватываю ноги дрожащими руками. Дверь резко захлопывается, и я остаюсь в крошечной тьме одна. Босая, до жути напуганная и вся в крови.

Глава 2

Всю ночь я прижимаюсь спиной к холодной стене, обнимая себя руками и пытаюсь хоть как-то согреться. На улице начало октября, но меня пробирает дрожь так сильно, что аж зубы стучат. Когда эти звери уходят, пытаюсь оглядеться по сторонам в крошечной тьме, но постепенно глаза привыкают, и я могу увидеть очертания помещения через свет луны, доносящийся из окна.

Кажется, это какая-то хозяйственная комната, ведь, кроме швабр и пустых ведер, тут ничего нет. Рядом не нахожу никакого одеяла, не говоря уже о мебели. Моя ночнушка разорвана, но прикрыться мне нечем.

Пересиливая страх, осторожно прикасаюсь пальцами к пульсирующей ране на щеке. Она кажется мне огромной, четко очерченной. Кожа неприятно вздулась и болит, пальцы снова становятся мокрыми. Соленые слезы капаят из моих глаз, и это еще больше обжигает щеку.

Перед глазами снова этот страшный человек с жестокими черными глазами. С каким же удовольствием он делал это – калечил меня и, кажется, всю мою жизнь. Он прав. Теперь на меня уж точно никто и никогда не посмотрит. Он изуродовал не только мое лицо, но и исполосовал душу. Не могу сказать, что до этого считала себя какой-то некрасивой. Напротив, интересом противоположного пола никогда не была обделена, хоть мне и было это не нужно, вот только теперь все это прошлом.

Как ни стараюсь, не могу уснуть ни на минуту. Голова превращается в какой-то тяжелый грузик, но глаза никак не смыкаются. Из последних сил поднимаюсь, подхожу к двери и медленно нажимаю на ручку. Закрыто. Усмехаюсь сквозь слезы. Наивно было полагать, что после произошедшего меня не закроют.

Сердце бешено колотится в груди, страх о будущем накрывает с новой волной. Что дальше, что теперь со мной будет? Снова и снова прокручиваю слова главара. Этот страшный, огромный мужчина вселяет в меня дикий ужас. Он был готов прирезать меня прямо там, в моей квартире. Я отчетливо видела это в его глазах. Желание стереть меня с лица

земли, сделать мне больно, уничтожить навсегда. Никто бы и не нашел его никогда.

Отчаянно пытаюсь вспомнить, что он говорил мне. Собственность. Кажется, теперь я его собственность. Без прав, желаний и... надежды. После того как началось наше знакомство, я не строю никаких иллюзий о том, что Руслан Власов сжалится надо мной, но пути назад у меня уже нет, я сделала свой выбор. Сама. Он не пощадит меня. Я видела это в его глазах. Зверь уничтожит мою душу и разорвет на части тело. Он убьет меня. Я понимаю, что это лишь вопрос времени.

Чувствую, как мое тело слабеет, мне резко хочется спать, или я просто теряю сознание. Прислоняюсь головой к стене, сажусь на колени, а после и вовсе сваливаюсь на бок. Кажется, я потеряла слишком много крови, но сил звать на помощь уже нет совсем, да и есть ли в этом смысл? Прикрываю веки всего лишь на миг, но тут же проваливаюсь в спасительную темноту.

Не знаю, сколько проходит времени, но просыпаюсь от того, что кто-то грубо тормошит меня по плечу, а после какой-то едкий запах ударяет мне в нос, отчего я широко распахиваю глаза. Это был нашатырь, который проникает прямо в мою голову. Над головой басит чей-то голос. Кажется, того же человека, который бросил меня здесь. Его зовут Ферзь, или это просто кличка.

– Очухалась? Давай вставай, развалилась тут.

– Встать сама можешь?

Напротив меня на стуле сидит женщина лет сорока. По ее пристальному сканирующему взгляду через очки и нашатырь в руках я понимаю: это врач. Задаю вопрос, который почему-то первым крутится в голове:

– Мое лицо... Что с ним?

Вижу, как меняется взгляд докторши. Не могу разобрать ее реакцию. То ли ненависть, то ли презрение. Скорее, второй вариант.

– Жить будешь. Рану зашьем сейчас. Ферзь, помоги.

Женщина кивком показывает в мою сторону, после чего этот жутко прокуренный головорез лениво отталкивается от стены и идет ко мне. Вся съеживаюсь, когда он грубо берет меня за предплечье и уводит в соседнюю комнату, которая больше похожа на тюремную камеру. Небольшое окно сверху, мизерный столик и кровать. Последняя, правда, огромных размеров.

Врач заходит следом, раскладывая чемодан на полу у кровати. Сжимаю челюсти до хруста, когда она обрабатывает порез чем-то жгущим, а после начинает зашивать рану наживо, без анестезии. Грубо, без доли снисхождения проводит эту процедуру с нежной кожей, но кажется, словно носок штопает. Уже через полчаса меня отпускают, а дверь закрывается на ключ. Ни на одну из моих попыток заговорить врач не реагирует.

На дрожащих ногах поднимаюсь с постели. Перед глазами

все плывет. Вижу небольшую дверь по левую сторону комнаты. Пожалуйста, хоть бы это была ванная! Нажимаю на ручку – да, к счастью, это она. Малюсенькая комнатка с ванной и туалетом, а еще небольшим зеркалом. Пересиливая страх, подхожу прямо к нему. Я должна это сделать, хоть мне и до жути страшно увидеть там свое новое отражение.

Медленно поднимаю взгляд и вижу испуганную и взлохмаченную себя с большой белой повязкой, приклеенной к щеке. Что там, под повязкой? Закусываю губу и, как бы мне ни было больно, одним рывком сдираю ее с кожи. Громко всхлипываю и прикладываю ладонь ко рту. Огромная, проходящая через всю щеку рана от пореза опухла и покраснела. Я и правда теперь никому никогда не понравлюсь – в этом их главарь был прав. Всего одно движение лезвия – и я превратилась в уродину. Мне больно шевелить губами и даже глотать. Каждое движение беспокоит рану и причиняет мне дискомфорт.

Дрожащими пальцами прикасаюсь к шву, из которого торчат нитки. Кажется, их пятнадцать. Слезы наворачиваются на глаза. У меня не было выбора. Или так, или смерть. Убеждаю себя, что могло быть хуже, тот страшный человек мог убить меня прямо в квартире этой же ночью, но я все же жива. Вот только почему же мне все равно так больно? Могла ли я предвидеть, что простая работа официанткой обернется для меня этим кошмаром... Не могла, но сейчас мне нужно быть сильной, чтобы спастись. Другого варианта просто нет.

В этой комнатухе я провожу еще несколько часов, пока из-за двери не начинают доноситься голоса. Я сижу на краю кровати, обхватив себя руками. Не знаю, чего ожидать, наверное, хуже быть не может.

Дверь резко распахивается, и у меня перехватывает дыхание. Мой палач пришел за мной. Руслан Власов, тот, кто изуродовал и похитил меня, медленно входит в комнату, и мое сердце опускается ниже с каждым его шагом. Отползаю на другой край кровати, от него подальше. Боюсь его. Не знаю, чего ожидать от него.

– Ну привет, ляля. Надеюсь, за ночь стала сговорчивее? Может, вспомнила чего?

Отрицательно мотаю головой. Мне нечего ему сказать.

Мужчина подходит ко мне вплотную и наклоняется к моему лицу, опираясь по обе стороны руками. Невольно отклоняюсь назад. Мне страшно. Он просто огромен по сравнению со мной. Под рубашкой бугрятся стальные мышцы, в черных глазах отблесками пляшут черти. Кажется, он готов закончить начатое ночью прямо сейчас.

Не смею поднять перед ним голову, хочется закрыться от него бетонной стеной.

– В глаза смотреть хозяину, когда я говорю с тобой!

Руслан берет меня за подбородок, поднимая голову вверх и заставляя смотреть на него. От этого движения я вскрикиваю, но вырваться мне никто не дает. У него мертвая хватка. Мне жутко больно. Пальцем он задел мою рану на щеке, и я

уверена – специально.

– Отпустите! Пожалуйста, дайте мне уйти.

– Имя.

– Что?

Плохо соображаю, что он спрашивает. Кажется, я вся превратилась в комок нервов от этой запредельной близости, а еще... от его сильного, парализующего мой разум мужского аромата.

– Как тебя зовут, кукла? – он не кричит, наоборот, голос тихий и низкий. Прямо как на кладбище. От его хриплой интонации меня пробирает холод прямо до костей.

– Аля я.

– Слушай внимательно, Аля. За то, что ты натворила, тебе нет прощения. Хочешь жить – будешь отрабатывать свой долг здесь, пока не сдохнешь. И полы драить, и за клиентами убирать, и ноги передо мной расслаблять по первому же зову. Вздумаешь буяннить – закопаю рядом со своими ребятами. У меня уже большой опыт в этом. Там места и тебе хватит, не переживай. Я ясно выразился?

Руслан проводит рукой по моей груди, а я не могу двинуться с места от его магнетизма. Чувствую себя загнанной ланью в руках у льва. Одно лишнее движение – растерзает на месте, когтями острыми задерет.

Слезы наворачиваются на глаза и капают на руку мужчины. Всхлипываю, но кратко киваю. Он убирает руку и вытирает ее о мою ночнушку, намеренно задевая нежный сосок,

отчего он становится каменным.

– Ты сейчас встаешь и идешь в зал. Лиза покажет тебе работу, и не вздумай косячить, выпорю. А ночью жди, чтоб голая встречала меня, сидя на коленях.

Палач выходит, и я понимаю: худшее только начинается.

Глава 3

Как бы долго я ни пыталась оставаться в пределах этой комнаты, понимаю: выбора нет. Медленно выбираюсь из своего такого хрупкого и мнимого укрытия. Босиком, прикрываясь простыней, обнаруженной на кровати, иду по длинному коридору.

Почти у самого его конца меня окликает высокая подтянутая брюнетка. Она одета вызывающе, на лице яркий боевой раскрас. Ее дерзкий оценивающий взгляд заставляет еще сильнее закутаться в белую простыню. Пренебрежительно кривит лицо.

– Ты у нас Аля?

– Да.

– Я Лиза. Выглядишь хреново, конечно, ну да ладно. Давай за мной ступай.

Она быстро стучит высокими каблуками по паркету, и я едва успеваю босиком следовать за ней. Лиза приводит меня в большую комнату, похожую на гримерку. Копошится в шкаф, после чего бросает в меня одежду. Похоже на рабочую форму.

– Вот это надевай. И живее, у нас много дел.

Кое-как натягиваю простую водолазку, юбку и фартук, превращаясь в уборщицу. Неловко переступаю с ноги на ногу. Босые ступни совсем продрогли.

– Лиза, у меня обуви нет.

Брови брюнетки на миг ползут вверх, после чего она махерно вздыхает и подбирает мне туфли, которые оказываются на пару размеров меньше моего.

– Ничего, разносишь! У нас не магазин обуви!

Взгляд девушки падает на мое лицо. Вижу, как ей неприятно смотреть на мою повязку.

– И это, сделай что-нибудь с лицом. Ну, там, волосами прикрой или косынку повяжи. Жутко смотрится, всех клиентов распугаешь нам тут.

Молча киваю, но на самом деле ума не приложу, как скрыть эту повязку, проходящую через всю щеку. Разве что скафандром.

Уже через десять минут Лиза зачитывает мне список дел на сегодня, а я только и успеваю запоминать. Нет, я привыкла к работе и вкалывала официанткой последние два года, но уборщицей еще не была никогда.

Когда Лиза уходит, осматриваюсь по сторонам. Я нахожусь в каком-то огромном клубе, куда, по моему наивному предположению, приходят люди, чтобы отдохнуть вечером. В первый день мне кажется, что время останавливается. Я мою полы, убираю красивые блестящие столики, чищу крас-

ные ковры и велюровые диваны. Клуб кажется просто бесконечным. В нем есть один большой зал, сцена, несколько VIP-комнат и танцполов.

С утра практически нет никого, кроме персонала, но ближе к вечеру собираются посетители. На сцену поднимаются полуголые танцовщицы. Голодные и хищные мужчины заполняют столики, а рядом с ними сидят расфуфыренные красотки, на фоне которых я теперь кажусь себе просто невзрачной тенью.

Становится неловко, и я стараюсь уйти из зала, но жесткий взгляд Лизы ясно дает мне понять, что я еще не все сделала на сегодня.

Мне остался один столик – самый крайний, отделенный от всех стеной, за которым сидят они. Те трое мужчин, которые похищали меня из дому по приказу главара. Умар, Ферзь и еще один, кажется, его зовут Тихий. Он вообще еще не разговаривал со мной ни разу. Во главе стола сидит палач. Он глубоко затягивается сигаретой, выпуская клубы серого густого дыма.

Впервые замечаю, как сильно Руслан Власов выделяется среди других, и даже не столько внешностью, сколько какой-то невидимой энергией, заставляющей подчиниться, признать его нерушимое главенство.

Медленно подхожу к этому столику и начинаю убираться рядом. Не смею поднять глаза или сделать резкое движение. Из всех сил молюсь, что останусь незамеченной, но доволь-

но быстро меня с крахом рассекречивают.

– Опа! А вот и наша птичка тут!

Ферзь первым меня замечает, и я проклиная его уже за это. Не реагирую, продолжаю заниматься своим делом.

– Подойди, девочка. Ближе.

Грубый голос Руслана окутан магнетизмом. Он снова приказывает мне, но я не буду подчиняться ему тут, при всех. Молчу. Не двигаюсь с места. Взглядом скоро дыру прожгу в полу.

– Ты что, плохо расслышала меня?

Руслан отпивает какой-то алкоголь из бокала. Замечаю блеск его перстня на левой руке, а также татуировку на ладони. Странно, что не заменила этого в пошлый раз, хотя, наверное, не до того было, когда он резал мне лицо.

– Нет.

– Что ты сказала?

– Я не буду вам подчиняться. Хватит! Я свободный человек. Отпустите меня немедленно!

Бросаю свою тряпку на пол. Нет, я не кричу, но голос все же повышаю. Не знаю, что нашло на меня, глупость, наверное, или здравый смысл. Не позволю так обращаться со мной. Я не игрушка, которую захотел – забрал себе.

Мужчина прекрасно слышал меня, как и все вокруг. Вижу, как из-за стола раздается едкое улюлюканье, явно в мою сторону. Лицо Руслана становится суровым, и волна страха тут же проносится по моей спине.

– Не хочешь мне одному подчиняться – подчинишься всем. – Кивает на меня сидящим рядом мужикам, и их глаза опасно загораются. – Развлекайтесь.

Кажется, в этот момент мое сердце с грохотом падает куда-то ниже пола, пробивая паркет. Пячусь назад, когда на заявление палача в одночасье поднимаются Умар, Ферзь и Тихий. Они опасно ухмыляются, приближаясь ко мне. В висках набатом пульсирует адреналин.

Разворачиваюсь всем корпусом и как могу быстро отхожу назад, но кто-то из них больно перехватывает меня за волосы и не дает уйти. Все происходит слишком резко, поэтому я даже не успеваю позвать на помощь.

Это кажется каким-то страшным сном, карикатурой, иллюзией. Моя форма трещит по швам. Мужчины зверски сдирают с меня фартук и разрывают водолазку на части. Больно стягивают белье, оставляя меня по пояс обнаженной. Нажимают на плечи, заставляя упасть на колени. Кажется, еще немного – и я умру от шока. Не соображаю, как мне остановить все это, поэтому как заведенная лишь прошу их остановиться.

Музыка становится громче, или у меня просто отключается мозг. Как в замедленной съемке вижу, что Ферзь первым подходит ко мне вплотную, грязно облизываясь. С ужасом наблюдаю, как его руки тянутся к пряжке ремня и расстегивают его, после чего он достает полностью эрегированный член и проводит по нему рукой.

– Нет, умоляю... не надо! Нет, пожалуйста!

– Я первым буду. Умар, поддержи ее.

Сильная хватка сзади заваливает меня на спину, отчего мое дыхание сбивается, и я чуть ли не захлебываюсь в собственных слезах.

Мои руки больно перехватывают. Ферзь приближается. Наваливается сверху, больно прижимая меня к полу. Кажется, я сейчас умру от боли и унижения. Еще немного, и меня просто не станет. Они разорвут меня по одному только приказу палача. Сейчас я не вижу его, но уверена: он именно это и хотел увидеть – как убивают мою душу и разрывают тело.

Я почти ничего не вижу, все становится расплывчатым, смазанным. Слезы градом валятся из глаз, отчего моя повязка уже насквозь становится мокрой.

– Стоп. Хорош, – хриплый голос Руслана разрывает тишину и мои всхлипы. Ферзь сразу же слезает с меня, а Умар отпускает руки. Они безучастно покидают помещение, словно я для них в один миг перестала существовать.

Поднимаюсь с пола на колени, стараясь прикрыть ошметками водолазки свою голую грудь. Глухие рыдания невольно вырываются, хоть я и стараюсь изо всех сил их утихомирить. Такого унижения я не испытывала никогда в своей жизни.

Палач медленно поднимается с дивана и подходит ко мне, заставляя смотреть на него снизу вверх. Я не нахожу в его взгляде ничего, кроме жестокости и безразличия.

– Надеюсь, ты усвоила, что будет, если снова решишь не

подчиниться мне, кукла. Спектакль окончен. А сейчас вон пошла, пока я не передумал. Лиза! Забирай.

Чувствую, как холодно Лиза впирается в мою руку тонкими пальцами и тянет на себя, уводя из комнаты. Я всхлипываю, почти ничего не вижу из-за слез. Руслан хотел проучить меня, и у него это прекрасно получилось. Желания перечить мужчине снова у меня точно нет. Второго шанса избежать подобного унижения уже не будет.

Я настолько сильно испугалась, что икаю еще несколько минут после того, как брюнетка уводит меня в ванную. Как только выхожу, она набрасывается на меня, шипя от злости:

– Ты чего тут удумала?! Если жить хочешь, Власову не смей перечить, поняла? Он таких, как ты, на завтрак ест.

– Лиза, кто он такой?

– Ты что, с другой планеты свалилась? Власов весь город наш держит в кулаке. Он лидер их, криминальный авторитет, понимаешь? Ему ничего не стоит стереть тебя с лица земли и запить чашкой кофе, особенно после того, что ты сделала с его младшим братом и парнями. А будешь халявить на работе – я сама тебя ему сдам с потрохами, так что не думай, что я тебе помогать тут стану. Сама еле это место выдрала.

Лиза пристально смотрит на меня, и я понимаю: подругами нам не стать. Она сама меня со свету сжить только рада. Я оказалась заложницей криминального авторитета города, который мечтает о моей смерти, и теперь даже не представляю, что мне делать дальше.

Уже через полчаса возвращаюсь к работе, Лиза пристально следит за мной. Я тружусь до самой ночи, только теперь уже на кухне, чтобы не пугать посетителей своим лицом. Часы отбивают полпервого ночи, когда я заканчиваю.

Возвращаюсь в свою комнату, едва волоча ноги от усталости. Не включаю свет, ведь сегодня луна светит особенно ярко, потому мне видны очертания моей скромной камеры.

Со слезами на глазах снимаю эти жуткие давящие туфли на невысоком каблуке. Ноги просто отваливаются, а еще жутко болят от потертостей. Кожа содралась до мозолей, и я даже не представляю, как буду завтра снова ходить в них. Но все это кажется ерундой, когда я с ужасом вижу, как дверь отворяется и ко мне заходит мой самый страшный кошмар по имени Руслан Власов.

Глава 4

– Я вижу, ты так и не усвоила сегодняшний урок.

В его голосе сталь. Она медленно разрезает мои нервы.

– Вы животное! Еще более унижительно вы не могли меня наказать.

– Мог и накажу, сейчас. Если продолжишь молчать.

Он наступает тихо, как пантера, и я начинаю паниковать. Мне некуда бежать. Он везде меня найдет, поймает и сожрет.

– Уйдите, прошу. Не приближайтесь!

– Нет, девочка, пора долг отрабатывать.

Мой голос сбивается от волнения. Громко сглатываю, пы-

таясь смочить горло. Кажется, я не выпила сегодня ни глотка воды. Мне никто не предлагал, а я сама постеснялась у Лизы попросить, видя ее тухлый настрой ко мне.

– Моя собственность должна встречать меня голой, стоя на коленях. Подойди.

Маюсь всего лишь мгновение, но подхожу к мужчине сама. Знаю, мне не поздоровится, если послушаюсь. Когда оказываюсь совсем рядом, снова отмечаю, насколько же Руслан высокий. С моим ростом Дюймовочки я ниже его минимум на две головы. В плечах палач раза в три так точно шире.

Сердце пропускает пару ударов. В нос бьет уже знакомый запах мускуса и табака, неповторимый и сильный. Слишком близко. Неправильно. Опасно. От Руслана веет могильным холодом и суровостью, а еще... безразличием. В глазах стоит лед, и кажется, для него пачка сигарет стоит дороже, чем вся моя жизнь.

– Что вы... чего вы хотите?

– Расстегни мой ремень. – Смотрит нахально, прямо в упор.

– З-зачем?

– Я хочу минет, игрушка, чего не понятно. Делай, что сказано.

Стою истуканом. Дышу громко только. Понимаю, что не могу я прикоснуться к нему сама. Руки налились свинцом и не двигаются. Медлю, тяну время, и это быстро выводит мужчину из себя. Он теряет терпение.

– Будешь так продолжать, ебать до утра буду.

– Нет, пожалуйста... сейчас, – голос сбивается, я жутко волнуюсь, но все же пересиливаю себя и прикасаюсь к его ремню, расстегивая. Волна паники и страха захлестывает меня, когда я отчетливо вижу, что мой палач возбужден. Стараюсь не смотреть туда. Куда угодно, только не туда.

С замиранием наблюдаю, как Руслан вынимает ремень из петель и ловко обхватывает им мою шею, словно делает это каждый день. Жесткая кожа прикасается ко мне, и я невольно сглатываю. Он может задушить меня этим ремнем прямо тут и пойти спать как ни в чем не бывало.

Палач смотрит прямо на меня как удав на кролика, и я понимаю: он пришел за правдой. Вот только где она теперь, правда эта...

– Я спрашиваю, ты отвечаешь, ясно?

– Ясно.

– Как давно знаешь Арсена?

Маюсь, как давно я его знаю? Выдаю первое, что приходит в голову:

– Год.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – пожалуй, это единственная правда, которую я могу сейчас рассказать.

– Поведай мне, кукла, как тебя трахал мой брат?

От его грубости у меня спирает дыхание. Ремень на шее затягивается больше, и я начинаю паниковать.

– Отпустите! Хватит!

– Говори, как он тебя драл!

– Никак, никак!

– Не смей меня, Арсен ни одной юбки не пропускал, чего ты мне тут чешешь?

– Мне больно, пожалуйста... Чего вы хотите?

Ремень затягивается все сильнее, отчего я вынужденно упираюсь рукой в широкую и сильную грудь Руслана. Пальцы скользят по белоснежной рубашке. Кажется, еще немного – и он задушит меня.

– Правду, игрушка. Скажи мне правду, и все закончится.

– Я не вру. Не вру!

Ухмыляется, но это больше похоже на звериный оскал.

– Ты хорошая актриса, вот только я не верю тебе. Где вы познакомились?

– В ресторане.

– И что же он заказывал? Что любил?

– Все! Мясо, рыбу, салаты...

На жестком лице палача проскальзывает едкий смешок.

– Не сходится что-то, кукла. Ты знакома с ним год и не знаешь, что Арсен законченный аллергик и не ест рыбу?

Замолкаю и корю себя за глупость.

Тяжелый взгляд мужчины заставляет мои коленки подогнуться. Он не пощадит меня, не пощадит.

– Кому ты сдала моих парней? Их расстреляли, как собак безродных, в упор. Из автомата, по наводке. Твоей. На кого

ты работаешь, кому сосеешь?

– Никому, правда! Я ни на кого не работаю.

Глаза Руслана опасно загораются, и он резко хватается меня рукой за шею, заставляя вжаться в стену. Мне больно, и я со всей силы старалась оттолкнуть его, но это больше похоже на попытку сдвинуть бульдозер с места. Трудозатратно и совершенно бессмысленно.

– Говори, сука, иначе я не ручаюсь за себя!

– Отпустите, пожалуйста, мне больно... – хриплю, в глазах темнеет.

Ремень мужчины все сильнее сжимается на моем горле, и я понимаю: еще немного – и все закончится, но в какой-то миг он убавляет хватку. Наверное, тогда, когда я уже начинаю терять сознание.

– На колени.

– Нет, прошу...

Тяжелая рука мужчины заставляет меня упасть на колени перед ним. Вздрагиваю. На пол падают предательские слезы, он снова добился этого. Мне снова хочется умереть рядом с ним.

Слова мужчины стучат в моих висках как приговор:

– Рот открыла.

– Пожалуйста...

Я отчаянно сопротивляюсь, но мужчина в тысячу раз сильнее. Одной своей рукой он нажимает мне на челюсть, отчего я вынужденно открываю рот.

– Только попробуй дернуться, выебу так, что мало не покажется.

Всхлипываю, но все же, киваю. Руслан расстегивает брюки и достает оттуда эрегированный огромный член. По телу проходит дрожь. Господи, как же он поместится в меня, а главное – что с ним делать?

– Хорошая девочка. Давай, ты ж профи.

Закрываю глаза и прикасаюсь губами к члену. На удивление, он не вызывает у меня брезгливости, наоборот, что-то странное разливается в моем животе всего лишь на миг. Целую его осторожно, боясь сделать хоть одно неверное движение.

– Блядь, ну кто так сосет? Кого ты играешь, мать твою? Словно не делала минет никогда.

Руслан ударяет членом по моим губам, заставляя приоткрыть рот шире, а после делает один глубокий толчок в мой рот, после которого я издаю истошный дикий крик. Слезы градом льются из глаз от боли. Моя щека вспыхивает, как пламя от зажженной свечи. Я буквально чувствую, когда рвутся нитки шва от того, как резко растянулась кожа.

Палач вынимает член из моего рта. Он жутко зол.

Моя повязка становится мокрой, и я понимаю: шов разошелся совсем, и снова пошла кровь. Всхлипываю и прикладываю руку к щеке, пытаюсь хоть как-то заглушить боль.

– Пошла вон, живо!

Поднимаюсь с колен и пулей вылетаю из комнаты. Забе-

гаю в ванную и запираюсь там на защелку. Осторожно снимаю повязку. Рана жутко болит и пульсирует. Шов и правда разошелся, а это значит, придется зашивать снова.

Несколько минут выжидаю. Прислушиваюсь к любому шороху за дверью. Мне трудно дышать, я не знаю, сможет ли зверь остановиться, ведь если он продолжит начатое – до утра я вряд ли доживу.

Глава 5

Кажется, проходит не меньше часа, когда я все же решаюсь выйти из своего мнимого укрытия. Как могу, тихо отворяю дверь. В комнате пусто. Я не знаю, как давно он ушел, но до утра у меня так и не получается уснуть.

На улице уже смеркается, когда в двери грубо стучит Лиза. Я пойму чуть позже, что она тоже часто ночует в клубе, вот только не в качестве заложника, как я.

– Ты еще не готова?! Давай вставай быстрее! Вчера гости хорошо отдохнули, нужно убрать. Живее, что ты такая вялая? Или мне Руслану передать, что ты уваливаешь от работы?

– Нет, пожалуйста! Не надо ему ничего говорить. Я иду.

Поднимаюсь с кровати и, преодолевая головокружение, быстро одеваюсь в рабочую форму.

Минут пять слушаю инструктаж от Лизы на сегодня, после чего она торжественно вручает мне в руки швабру и ведро с какой-то едкой химией. Смотрю на все это добро и сжи-

маю зубы. Откажись я от работы – Руслан сразу же узнает, и потом мне точно несдобровать.

Меньше всего я хочу его видеть после вчерашнего. Страшнее человека я не встречала в своей жизни. Не знаю, почему он вчера остановился. В то, что его смутили мои слезы боли, я не верю. Нет у него сердца. Кажется, на его месте там камень холодный и мертвый лежит.

Палач считает меня своей собственностью, а значит, может делать со мной все, что только пожелает его душа, или что там на ее месте у него. В том, что он закончит начатое, я даже не сомневаюсь, но я должна выжить. Обязана просто.

Перебираю все ведро с химическими бутылками, но так и не нахожу перчаток. Лиза уже убежала домой, раздав мне «ценные указания». Медлю, но потом все же начинаю работать без перчаток.

Удивленно замечаю, что руки вовсе не жжет, кожа даже не покраснела, поэтому вожусь с этими коврами еще часа три, чистя их, пока окончательно не выматываюсь. После чистки ковров меня забирают помогать на кухню. Сегодня планируется какой-то праздник, и все с самого утра копошатся, готовя торжество.

Ближе к вечеру собирается много гостей. Официантов на всех не хватает, поэтому главный по кухне подключает меня в помощь, выдав форму официантки. Поначалу я радуюсь, ведь это куда проще, чем мыть полы, но потом мой пыл охлаждается.

Быть официанткой – значит весь вечер маячить по залу, привлекая к себе внимание, а этого я уж точно не хочу. Как ни пытаюсь убедить, что официантка из меня никудышная, меня все равно выпроваживают в зал разносить напитки.

Среди десятков человек в полутьме горящих огоньков я сразу замечаю Руслана. Рядом с ним сидят Тихий и еще несколько чужих мужчин. Как бы я ни хотела, взгляд невольно возвращается к Власову, снова и снова останавливается на мощной груди и руках, которыми он... трогал меня.

Рядом с мужчиной сидит какая-то девушка. Она аж липнет к нему, касаясь своими накрашенными красными губами его рубашки. Одергиваю себя. Господи, да какое мне вообще дело! Мне все равно, с кем он там сидит, лишь бы меня больше не трогал. Я ловлю эту слабую надежду, в одночасье понимая, что не бывать такому. Он придет снова, ведь то, что было вчера, – лишь начало.

За день ходьбы в жутко тесных туфлях мои ноги наливаются и жутко болят. Они кажутся просто деревянными, поэтому в один из моментов я спотыкаюсь за невидимую завесу и лечу носом в пол, роняя поднос, полный еды и напитков. Раздается оглушительный треск и неприятный звук разбитого стекла.

Стихает музыка, и десятки голов в один миг поворачиваются в мою сторону, а мне хочется умереть на месте. Кое-как поднимаюсь и, руками собирая осколки, пчусь назад на кухню.

– Дура!

Лиза встречает меня змеиным шипением и кажется озверевшей. Она выхватывает из моих рук поднос.

– Что с тобой? Почему ты такая неуклюжая? Или это способ привлечь внимание?!

Чувствую растерянность. Слезы наворачиваются на глаза от обиды.

– Меньше всего я хочу привлекать внимание. Мои туфли, они слишком давят мне. Извини.

– Если Власов узнает, что ты это специально...

– Власов уже знает, – низкий бархатный голос раздается неподалеку от нас, отчего и я, и Лиза одновременно поворачиваем головы. Перед нами стоит Руслан. Его черная рубашка закатана по локти. Руки в карманах черных брюк.

– Лиза, вышла отсюда.

Всегда дерзкая Лиза понятиливо опускает перед мужчиной голову и тенью просачивается мимо нас, оставляя меня наедине с бандитом.

Сердце сразу же ускоряет темп. Мы здесь одни, в небольшой подсобке, и никто ему не помешает сделать со мной что угодно.

– Я не хотела, это случайно вышло.

Не узнаю свой голос. Обычно уверенный и звонкий, перед мужчиной он тает, как мороженое, превращаясь в тихий шепот. Замолкаю, когда тяжелая рука бандита проходится по моей талии и опускается ниже. Он вплотную наклоняется ко

мне и шепчет в шею, а я... замираю от этой близости и его запаха:

– Интересно, Аля – это твое настоящее имя творческий псевдоним?

–Алиса. Мое полное имя Алиса. И это не творческий псевдоним.

– Ты отличная актриса, девочка, лучше и не придумаешь, вот только зря стараешься.

– Я не актриса. Я случайно упала, правда.

– Парней моих тоже случайно сдала?

Вздрагиваю, когда огромная рука мужчины касается моего подбородка, заставляя посмотреть прямо ему в глаза. Его взгляд черных глаз пробирает меня насквозь, сканируя. Первая отвожу взгляд, не выдерживаю. В этот момент я точно понимаю, что палач не верит ни единому моему слову.

Мотаю головой. Мне нечего ему сказать.

– Я предупреждал тебя, чтоб не смела мне врать.

Он грубо берет меня за предплечье и уводит из этой камеры. Уже через пять минут мы оказываемся в красиво обставленном помещении, и я понимаю: это комната Руслана. Вся в черном, на столе открытая пачка сигарет и серебряная пепельница. У кровати стоит большое кресло, за ним дальше стол.

Я брыкаюсь и вырываюсь, но не могу противостоять этой силе. Мужчина с легкостью затаскивает меня внутрь и бросает на пол. Отползаю к стене и подбираю под себя ноги, ли-

хорачдоно оолядываясь. Гоос дрожит. Мне не выбратья. Я поала в логово к зверю.

– Что вы делаете?

– Беру свое.

Он щедро плескает себе коньяк в стакан, и я понимаю. расплаты мне не миновать.

Глава 6

Я понимаю его без слов. Палач хочет получить свою игрушку, свою собственность. Мужчина жаждет мести и возьмет ее в моем лице и... теле.

Смотрю на Руслана, и слезы наворачиваются на глаза. Он расстегивает свою рубашку и снимает ремень. Впервые вижу его полуголоо, и у меня спирает дыхание. Увидеть я его при других обстоятельствах, точно бы засмотрелась на его красоту, но сейчас он мне кажется страшным, опасным хищником.

Мощная шея и крупные руки, широкая грудь с черной растительностью, уходящей тонкой дорожкой в брюки. Кожа матовая, смуглая, переливается на свету. На обеих руках тату, уходящие на спину и шею.

Власов уничтожит меня, разорвет, сломает. Всхлипываю и подалее отползаю от него. Мне не миновать расплаты за содеянное.

– Раздевайся. Наголо.

– Пожалуйста, не надо.

Смотрю прямо мужчине в глаза, умоляя его не делать этого. За мои девятнадцать лет у меня не то что опыта близости с мужчиной не было, я еще даже не целовалась. Чувствую себя просто деревянной.

– Молчать. Ты моя вещь, и я буду пользоваться тобой, как и когда захочу. У тебя нет права на слово.

Он подходит ко мне и поднимает, прислоняя к стене. Проводит своими огромными руками по моим хрупким плечам, опасно опускаясь к груди, а затем одним рывком разрывает на мне футболку. За следующие пять секунд с его помощью я остаюсь полностью обнаженной.

Его глаза пылают огнем страсти.

– Красивая ты, до жути прямо, вот только гнилая напрочь. Легла. На живот.

– Вы не посмеете!

– Шлюх никто не спрашивает. Они сами дают, и ты тоже дашь.

Стальной хваткой Руслан перехватывает мои ладони, больно заводит их за спину. Я настолько слабая, что, наверное, он даже силу почти не применяет. Незачем просто.

– Прошу, я не буду сопротивляться, не надо так.

Хватка сразу ослабляется, и я приземляюсь животом на мягкий матрас кровати. Мелкие ворсинки щекочут щеку. Стараюсь не двигаться лишний раз, чтобы не повредить повязку. Каждое прикосновение к шраму вызывает волну жгучей боли.

Задерживаю дыхание, когда вдоль моей спины проходит мужская ладонь. Ласково, нежно так, словно и не он это касается меня. Сразу же ловлю стаю мурашек, которые проносятся по коже от головы до пальцев ног. Не понимаю свою реакцию на близость мужчины, но и поделаться ничего не могу. Пальцы немеют от страха, но в животе зарождается какое-то томление. Не понимаю, что это, не хочу понимать.

Вся сжимаюсь, когда чувствую, как чужие руки начинают хозяйствовать на моем теле. Руслан больше не церемонится со мной. Зверь хочет удовлетворить только свою похоть, и ему абсолютно плевать на меня и мои жалкие чувства.

Из последних сил храбрюсь, я должна, обязана выдержать, но в последний момент все же начинаю всхлипывать. Мне страшно, я боюсь его так сильно, что уже жалею, что тогда не выбрала первый вариант – умереть на месте.

Чувствую глухое дыхание мужчины над своим ухом.

– Не дрожи так, расслабься. Не убиваю ж я тебя.

Он прямо позади меня, опирается на локти. Его запах впивается в каждую мою клетку, отравляя ее и заставляя разрываться напополам.

Мужчина коленом разводит мои ноги. Кажется, я даже не дышу больше, я вся стала одним большим сгустком нервов. Он разорвет меня. Я видела размеры его члена тогда, он просто уничтожит меня.

Одним резким, мощным толчком мужчина входит в меня, и я пронзительно вскрикиваю от самой большой боли в

своей жизни. Дыхание спирает, слезы застилают глаза. Мне жутко больно, он просто огромен и, кажется, даже не полностью еще вошел. Я прямо чувствую, как растягиваются мои мышцы, он разрывает всю меня. Всхлипываю. Тело пробирает дрожь.

– Бля-ядь! Ты что, девственница?!

Он замирает, так же как и я. Голос Руслана кажется удивленным, но уже вскоре он медленно продолжает толчки, понижая меня все большее. Отчаянно хочу вырваться, но он не дает мне сдвинуться с места, да и есть ли в этом смысл? Он хочет ее. Свою бесправную игрушку, и я сама на это подписалась.

– А-ай! Отпустите, мне больно!

Хнычу, пытаюсь вырваться, но Руслан стальной хваткой меня держит. Шансов нет никаких.

– Лежать! Аля, спокойно, я сказал, а то порву! – его голос гремит над самой моей головой, и я понимаю: лучше послушаться, иначе живой отсюда я просто не уйду. Затихаю, острая боль прошла, но дискомфорт все еще остался.

Руслан продолжает двигаться во мне, жестоко и беспощадно, а я... рыдаю в подушку от обиды. Заливаюсь слезами, но больше не издаю при нем ни звука. Не доставлю ему такого удовольствия, хоть это он не отберет у меня.

Постепенно боль совсем проходит, и вместо нее я чувствую что-то иное. Из всех сил стараюсь отвлечься и не прислушиваться к собственным чувствам, но этот жар вни-

зу распалается все сильнее. Кажется, это не закончится никогда. Руслан берет меня холодно, без доли ласки, крепко удерживая сзади за талию. Он ни разу даже не прикасается губами ко мне, словно брезгует, словно я что-то грязное для него. Его пальцы, как клеймо, впиваются в мою кожу, оставляя на ней болезненные ожоги.

Внезапно я чувствую облегчение. Он отстраняется, глухо рычит, и что-то горячее брызгает мне на спину. Мужчина поднимается и надевает брюки, словно ничего не произошло, а я сваливаюсь с кровати и подползаю к стене, от него подальше.

– Я не знаю, что делал с тобой Арсен и куда ты там ему давала, но не думай, что твоя девственность что-то поменяла. Тут теперь будешь спать, так что располагайся. Ослушайся меня еще раз – выпорю. – Его взгляд падает на бои бедра, и я прикрываюсь сильнее руками. – В душ сходи, крови у тебя много.

Мужчина выходит, оставляя меня одну. Между ног предательски саднит, я вижу кровь на бедрах. Много крови. К горлу подступает тошнота. На дрожащих ногах бреду в душ и уже там даю волю слезам, понимая, что нет у меня выхода.

Смотрю, как стекает по ногам алая вода. Не быть мне любимой, не познать женского счастья. Только жестокость и месть от зверя, посчитавшего меня своей собственностью, но не могу я все рассказать. Не имею права просто. А если проговорюсь – буду всю жизнь корить себя, уж лучше сразу

умереть.

Глава 7

После душа мне становится немного лучше, и я делаю перевязку на щеке. Закутываюсь по уши в одеяло. Не решаюсь послушаться и выходить из его комнаты. За дверью становится все тише, на дворе глубокая ночь. Меня радует одно: следующие два дня Лизы не будет, поэтому мне не нужно будет снова возиться с той химией и драить ковры. Кожа на руках кажется стянутой, но я не придаю этому значения. Кажется, это меньшее из зол, которые случились со мной за последнее время.

Я боюсь засыпать, мне страшно, что Руслан в любую минуту вернется, но, когда я прождала его пару часов, усталость все же берет свое, и я сваливаюсь в болезненную дремоту.

Просыпаюсь оттого, что мои руки горят огнем. Они одновременно жутко чешутся и жгут. Не знаю, что делать, горячая вода лишь усугубляет ситуацию. Проходит несколько часов, но лучше не становится. Мне настолько больно, что я непроизвольно всхлипываю, не в силах это терпеть. Из последних сил разрываю одну из рубашек Руслана и обматываю ею свои руки в надежде, что это хоть как-то поможет, но нет.

Сильнее закутываюсь в одеяло. Мне снова холодно, хотя в комнате больше двадцати градусов тепла. Градусник, висящий на стене, не должен врать.

Не замечаю даже, как проваливаюсь в беспокойный, тя-

гостный сон, из которого вовсе не хочется выбираться.

Ночь проходит мучительно долго, и я с ужасом просыпаюсь оттого, что утром ничего не изменилось, а стало только хуже. Мои руки пульсируют от боли, и я не решаюсь даже снимать повязки. Боюсь увидеть там что-то страшное. Весь день я лежу на кровати. Пару раз поднимаюсь сходить в туалет и выпить воды из-под крана. Если вчера я еще могла называть себя жутко голодной, то сегодня мне вообще ничего не хочется. Мое лицо касается подушки, и я снова засыпаю.

Кажется, уже день прошел, но Руслана нет. Лиза тоже не приходит, и я неистово радуюсь этим двум новостям. Не собираюсь выходить отсюда, чтобы снова ловить презрительные взгляды окружающих меня гиен.

Если вчера ведь день мне было холодно, то сегодня с самой ночи мне жутко жарко. Я сбрасываю одеяло на пол, а после и всю свою одежду, кроме ночнушки. Руки так и продолжают гореть огнем, поэтому я лишь туже затягиваю свои самодельные бинты в попытке унять боль и зуд в коже. Вроде чуть лучше.

В какой-то момент мне становится тяжело дышать, но я не позволяю себе звать на помощь, да и кто мне здесь поможет? Они все волком смотрят на меня, считая дни до моей смерти.

Я лежу спиной к двери, когда она резко распахивается. Я знаю, это пришел мой палач, и я должна встать. Должна, иначе будет хуже.

Превозмогая боль, опираюсь руками о кровать, медленно

поворачиваюсь. Руслан стоит передо мной в черных джинсах и такой же рубашке, закатанной до локтей. На руке бликами отдают часы, так же как и пряжка его металлического ремня. По телу проходит волна дрожи. Ничего не могу поделать с собой. Этот мужчина напоминает мне хищника.

– Я проголодался. Снимай с себя тряпки.

Стараюсь не подать виду, как мне плохо. Когда он подходит ближе, смотрю куда угодно, только не на него. В нос снова ударяет этот сильный привлекательный запах, вот только принадлежит он зверю. Выровняв дыхание, предельно спокойно и тихо отвечаю:

– Прошу вас, только не сегодня.

– У вещей нет права голоса, как и у тебя, помнишь? Разделась и повернулась ко мне спиной. Давай, в коленно-локтевую, – в его голосе сталь. Он не отступится.

Понимаю, что спорить бесполезно, но все же надеюсь на чудо. Преодолевая боль, медленно тянусь к рубашке в попытке ее снять, но жжение на коже такое сильное, что едва шевелю пальцами.

– Ты до утра мне тут собираешься раздеваться?

Руслан подходит вплотную, начиная стягивать с меня рубашку. Он действует холодно и жестко, словно робот, никак не реагируя на мои жалкие попытки сопротивляться. Когда он берет меня за руку чтобы повернуть, я издаю истошный крик боли. Не могу больше сдерживаться. Я оказываюсь намного слабее, чем ожидала.

– А-а-ай!

Мужчина останавливается, его руки перестают держать меня. Взгляд черных глаз невероятно строгий. За секунду он словно сканирует меня всю рентгеном, заставляя сжаться сильнее.

– Что такое? Я что, тебя режу сейчас? Чего ты орешь?

Дрожащей рукой прикрываю рот к попытке заглушить рыдания, но получается только лишь большее.

Прижимаю ладони к груди, и это не остается незамеченным. Взгляд Руслана опасно темнеет, когда он видит мои импровизированные бинты, сделанные из его рубашки. Ими я обмотала обе руки, от пальцев до самых локтей. Кажется, повязки еще вчера были сухими, но сегодня начали промокать.

– Что это?

– Не надо, прошу...

– Что это за херня с твоими руками, я спрашиваю?!

– Ничего. Пройдет само.

– Само, говоришь. Ну-ну. Руки показала. Живо!

– Нет, пожалуйста!

Не обращая внимания на мольбы, Руслан перехватывает мои руки своими и резко снимает с них бинты. Я же сжимаюсь вся, невольный всхлип вырывается из груди. Больно.

Мужчина громко вздыхает, когда видит красную вздувшуюся кожу, обильно покрытую ранами. Его челюсти крепко сжимаются, и мне становится еще страшнее.

Зажмуриваюсь, не в силах смотреть на этот ужас. Все ока-

зывается гораздо хуже, чем я ожидала. Само такое точно не пройдет.

– Черт. Давно это с тобой?

Перевожу расфокусированный взгляд на мужчину. Все плывет и кажется таким ненастоящим. Я в опасной близости от Руслана. Даже могу дотянуться до его лица, вот только не стану это делать первой ни за что в жизни.

Замечаю, кажется, впервые его неповторимую, грубую мужскую красоту. Выразительная, опасная бандитская внешность, которая вселяет страх. Он ненавидит меня люто, как и я его. Чувствую эту бетонную непробиваемую стену на каком-то клеточном уровне и ничего не могу с этим поделать, да и есть ли смысл? Он все равно убьет меня, это только вопрос времени.

Мои руки все еще в его ладонях, и я чувствую исходящее от них тепло. Странно, этот человек не имеет сердца, а руки у него все равно горячие. Руслан смотрит прямо на меня, но мне настолько плохо, что его слова с трудом доходят до моего затуманенного мозга.

– Эй, ты меня слышишь? Аля!

Он перехватывает меня за предплечье, несильно вроде, лишь бы я очнулась, но я только пугаюсь этого и начинаю отчаянно вырываться из его захвата.

– Не трогайте, не прикасайтесь...

– Как давно это с твоими руками, после чего?

Голос грубый и хриплый, а взгляд дикий. Усмехаюсь про

себя. Никому не нужна сломанная игрушка, и ему тоже.

– С пятницы. Я мыла ковры в зале, а перчаток не было. Я сама справлюсь, я сильная...

– Блядь, Аля, два дня уже прошло! Чего никому не сказала, глупая? Дверь же открыта была.

Усмехаюсь через боль. Что бы это изменило?

– Зачем? Вы же и так хотите моей смерти. Я знаю, знаю...

Начинаю хрипеть, спазмы в горле не дают сделать нормальный вдох.

– Мне больно, очень. И дышать, мне трудно дышать... – кажется, я отвечаю из последних сил, прежде чем, наконец, провалиться в сладостную темноту.

Глава 8

Среди всего того дерьма и беспредела, с которым мне приходилось сталкиваться, последний месяц выдался особенно хреновым. Я похоронил своих лучших людей и стал уже постоянным посетителем салона ритуальных услуг. Мои приемы превратились в поминки, а главным развлечением стало посещение кладбищ. Последней каплей стала пропажа младшего брата. Его тела нигде не было, и я тайно холил надежду, что он все-таки жив.

Ситуация в городе накалялась и с каждым днем становилась все более опасной. Мои конкуренты ненавидели меня и мечтали сдвинуть с места, прибрать все к рукам, вот только не на того нарвались. Словно поганные гиены, они пытались

укусить меня, выглядывая из тени и не показывая своих лиц, но я усиленно работал над тем, чтобы найти и уничтожить их всех.

Я хоронил своих парней, стоя под проливным осенним дождем, насквозь промокший. Черная рыхлая земля грузно падала на их гробы. Мы прошли с ними не один тяжелый год, это братья мои были, пусть не по крови, но по духу.

Каждый бы жизнь за меня отдал, но теперь уже и не придется. Их бездыханные тела молчаливо лежали в закрытых деревянных ящиках. Младшему было, кажется, только двадцать шесть лет. И не жил еще парень, а теперь будет червей кормить. У них не было шансов на жизнь. Кажется, они вообще не ожидали подвоха, поэтому даже не успели достать оружие.

Наблюдая, как отчаянно воют по ним вдовы, поклялся отомстить. Я перерыл весь город в поисках источника и все же нашел суку, которая сдала моих парней. Перепроверили несколько раз – все дороги вели к ней. Алиса Солнцева, девятнадцать лет, официантка. Как она спелась с моим братом, ума не прилагал, но все факты были налицо. Эта молодая сука позвонила тогда в полицию и как на духу выложила точный адрес, где работали мои парни. Их расстреляли в упор, красиво и тихо, как безродных собак. Запись мне лично передал начальник полиции, мой давний должник.

Все факты сложились как пазл, вот только я не понимал мотивов. В том, что она просто оказалась свидетельницей

отдаленного склада, находящегося за двести километров от нее, верилось слабо. Она действовала по наводке моих врагов, вот только я не знал, кого именно.

Мы вычислили ее очень быстро. Всего день потребовался, чтобы отрыть ее конуру и заявиться в гости с парнями. Даже удивился, когда впервые увидел ее. Мелкая блондинистая тварь оказалась отличной актрисой, напустив на себя маску непонимания и страха. Ее синие огромные глаза с непонимающим взглядом только провоцировали меня, и я едва сдержался, чтобы не придушить ее голыми руками прямо там.

Я не знаю, на хрена вообще дал ей это право выбора. Надо было сразу ее прикончить и закопать, но острые выпирающие ключицы, тонкая талия и высокая небольшая грудь с торчащими дерзкими сосками заставили меня захотеть эту куклу себе.

Когда назвал имя брата, увидел понимание в ее глазах. Она ждала нас, прекрасно знала, зачем мы здесь. Это стало спусковым механизмом, и я едва сдержался, чтобы не перерезать ей глотку, но вместо этого лишь чиркнул лезвием по смазливому лицу. Это станет ей уроком, но все равно не вернет моих парней. Чертыхнулся про себя: убить ее мало.

Порез на нежной коже оказался довольно большим. Опустись я на пару сантиметров ниже к артерии, сука умерла бы уже через пару минут. Кровь сразу же закапала на шею и грудь. Она часто прерывисто дышала и боялась смотреть мне в глаза. Меня лишь бесило это. Хренова актриса.

Чувствовал себя маньяком, но это меньшее из того, что она заслужила. Девчонка вскрикнула, упала на пол, а я развернулся и вышел из квартиры, убеждая себя не возвращаться, чтоб закончить начатое. Теперь она моя собственность и будет отрабатывать по полной свой долг, пока не сдохнет. Я никому не прощаю долгов, и она уж точно не станет исключением.

Парни приволокли ее в мой клуб, но девка оказалась проблемной с первого же дня, то и дело привлекая к себе внимание. Она была строптивой и жутко упрямой, хотя и делала вид, что боится меня.

Когда посмела огрызнуться мне, вывела из себя. Она вздумала перечить мне, да еще и при всех. Какой бы хорошей актрисой девчонка ни была, животный страх в ее глазах, когда стояла посреди зала голая перед тремя голодными мужиками, был не поддельным. Ее кожа выглядела нежной и бледной. Розовые соски становились грубыми от холода. Грудь была небольшой, но высокой и полной.

Кукла была хрупкой, как тростинка, и какой-то уж больно мелкой. Мне нравились ее фигура и длинные светлые волосы, обрамляющие худое лицо. Я ненавидел ее так же сильно, как и дико хотел с первой же минуты.

В тот момент в зале я желал проучить сучку, показать ее место, и это отлично сработало. Ее могли бы поиметь во все щели прямо там, и вряд ли она выжила бы после этого, но я каким-то чудом вовремя смог остановиться. Пожадничал,

наверное. Не люблю своим делиться. Это будет ей уроком. Никто не смеет перечить Руслану Власову.

Девчонка носила неприглядную мешковатую форму, но я прекрасно помнил изгибы ее тела и хотел это тело себе. Грязно, развратно и в разных позах. Она сама на это согласилась, и я не собирался щадить эту продажную шлюху.

Каким же было мое чертово удивление, когда девка оказалась девственницей. Она не то что сосать – ни хрена, походу, не умела. Больше того, похоже, она была целкой в полном, сука, смысле этого слова. Я даже не поверил сразу, пока не увидел кровь на члене, впервые трахая ее.

Неужто в задницу Арсену давала все время? Вот только не думаю, что он соглашался бы на это весь год, как пела мне птичка. Я не верил ни единому ее слову. Те жалкие факты, что она мне заливала, вот совсем не сходились, и я бесился от этого еще сильнее прежнего.

Кукла изо всех сил показывала мне свою напущенную строптивость, поэтому я был на сто, мать их, процентов уверен, что эта шлюха имеет целый багаж опыта. Лишь когда зажал ее и вошел в узкую щель, понял, что сейчас это первый, мать ее, секс.

Она была такой узкой, что мой член аж ныл от удовольствия, с каждым разом прорывая себе путь глубже. Я сбавил обороты и толкался в нее не так уж сильно, но девчонка все время хныкала и выла подо мной, пытаясь отползти, словно я ее на части резал. В какой-то момент она просто затихла,

словно выключили ее, но я не мог прекратить это. Просто не смог.

Адреналин удовольствия и острое желание мести смешались в одну гремучую смесь. Я не мог остановиться, пока не кончил ей на спину. Острый, молниеносный оргазм ударил прямо в мозг. У меня давно не было девственниц, и первый раз с ними никогда не фонтан, но эта блондинистая тварь пробудила во мне что-то дикое, доставив невероятное удовольствие.

Она свалилась на пол сразу же, как только я поднялся с нее, и зажалась у стены. Ее бедра были все в крови, так же как и мой член. Она смотрела на меня загнанным зверьком, но я понимал, что теперь хочу эту суку еще больше. Во много раз.

Глава 9

Сегодня заканчивается еще один паршивый день, после которого я хочу лишь одного – отменного жесткого секса. Думаю о девчонке все эти дни, где бы я ни был. Хочу ее всю просто до одури, аж член в штанах пульсирует, когда вспоминаю аппетитную попку и тонкую талию.

Еду в клуб, надо расслабиться. Сразу иду к себе, там она сидит, не посмеет свалить в свою конуру. Быстро оглядываю комнату. Свет выключен, тишина гробовая. Неужто спит в одиннадцать вечера? Член в штанах колом встает, как только слышу ее тонкий цветочный запах. Знаю, не духи это вовсе.

Я, как зверь, улавливаю ее природный девичий аромат.

Иду к кровати. Вижу силуэт куклы. Она лежит лицом к стене в одной только ночнушке до середины берда. Руки под себя подобрала, ноги в коленях полусогнуты, голые ступни сложены вместе. В паху простреливает новая волна возбуждения. Уже представляю, как буду трахать ее, невероятно хочу этого.

Подхожу вплотную, окликаю. Ни хрена не спит она. Слышит прекрасно, оглядывается, но как-то слишком вяло. Теряю терпение. Беру ее за талию и разворачиваю спиной к себе. Она вздрагивает, начинает назад от меня пятиться, дрожит вся, но я лишь крепче перехватываю ее. Как только прикасаюсь к рукам, девка издает истошный, пронзительный крик.

Отпускаю ее и включаю свет. Внимательно смотрю на ее лицо. Красная какая-то, слезы на щеках блестят, и еще горячая она. Очень сильно горячая. И не в сексе тут дело.

Не понимаю, какого хрена происходит, пока не замечаю, что обе ее руки обмотаны какими-то обрывками ткани. Кажется, это была моя рубашка. Не нравится мне это. Сажусь рядом и беру ее руки, кладу к себе на колени. Малая уже почти не сопротивляется. Даже не смотрит на меня, хотя обычно ее глаза по пять копеек, как у зайца. Сжимаю челюсти. Неужели снова играет? Если да, выпорю так, что мало не покажется.

Разматываю эти чертовы тряпки с ее рук и просто охрене-

ваю от увиденного. Хочется материться всеми словами, которые знаю. Удивляюсь только, как она еще не орет тут в голос от боли.

Кожа ее рук выглядит просто ужасно. Похоже на аллергию или даже ожог. Химический. Замечаю, какое хриплое и тяжелое дыхание становится у девчонки. Без перчаток, она, мать ее, без перчаток работала. Тяжело вздыхаю и чертыхаюсь про себя, уже мысленно подвешивая Лизу за горло.

Девочка, кого ж ты играешь? Ты могла выйти и рассказать, что тебе хреново, но предпочла гордо сидеть тут и молча подыхать.

Замечаю, как Аля хнычет, но потом ее дыхание становится все тише. Она слабеет буквально на глазах и отключается, заваливаясь с кровати, я лишь успеваю подхватить ее и уложить обратно, стараясь не касаться израненных рук лишний раз.

Потрахался, блядь, на славу. Я жутко зол. Приволок проблему на свою голову, называется. Надо было раньше ее прикончить, чтоб не возиться теперь.

Выхожу из комнаты и сразу набираю Свете. Отменный док, никогда не подводит. Не раз уже с того света меня вытягивала. Она приезжает уже через пятнадцать минут с неизменным чемоданчиком в руке. Кажется, там набита вся современная медицина.

– Руслан, рада видеть. – Крепко пожимает мне руку. У нее хватка хирурга. – Я взяла все необходимое, основываясь на

ваше описание состояния больной. Показывайте.

– Пошли.

Быстро ступаю по коридору, ведя за собой дока. Не знаю, чего ожидать, хочется крушить все на своем пути. Когда выходил из комнаты, девка была без сознания. Никак не реагировала на меня. Чертыхаюсь про себя.

Отворяю дверь комнаты и кивком показываю на свою проблему, лежащую на кровати. Уж лучше бы прибил ее сразу, меньше головняка теперь было бы.

Докторша подходит ближе к этой сопле и начинает бегло осматривать ее, но перед этим обращается ко мне:

– Руслан, вы можете выйти. Ваша помощь не понадобится.

– Ага, уже вышел. Давай при мне осматривай.

Света молча кивает, знает меня давно, поэтому не смеет противоречить. Осторожно поворачивает голову Али, слушает ее сердце, внимательно осматривает руки и в конце тяжело вздыхает.

– Ну?

– Не знаю пока, господин Власов. На болевой шок похоже. Сознание потеряла. Сейчас посмотрим.

Док набирает что-то в шприц и колет кукле в руку. После измеряет ей температуру, отрывает повязку и осматривает шрам на щеке. Также почему-то внимательно осматривает ее стопы.

В конце всех этих махинаций Света недовольно качает головой. Ее губы плотно сжаты, она раздражена, но даже не

думает это показывать мне. Она достает из чемодана нашта-
тырь, обильно смачивает в нем небольшой кусок ваты и под-
носит к носу Али, после чего малышка дергается и распа-
хивает глаза. Ее взгляд дикий, дезориентированный, словно
она не понимает, где находится.

– Спокойно. Я врач, помнишь меня?

Утвердительно качает головой.

Я стою прямо над изголовьем у кровати, поэтому она не
видит меня. Хорошо, что не видит, так бы снова включила
актрису. Сейчас же я вижу ее настоящие эмоции. Растерян-
ная, слабая, дышит тяжело и часто, а я, блядь, снова хочу ее,
видя вырез ее ночнушки.

– Аля, как ты себя чувствуешь?

– Дышать трудно. И больно очень, тут. – Показывает на
руки. – Дайте воды, пожалуйста.

Док достает небольшую бутылку воды и подносит гор-
лышко к ее рту.

– Не спеши, медленно. Аля, у тебя очень высокая темпе-
ратура. Выпей это. – Дает ей какие-то таблетки. – Встань,
чтобы не подавиться.

Помогает ей подняться, но девушка сразу же падает снова
на подушку.

– Не могу, у меня голова сильно кружится.

Стискиваю зубы. Ну как так можно играть, как, мать ее?
Голос дока заставляет меня напрячься.

– Когда ты ела последний раз?

– Дома.

– А когда ты была дома?

– Во вторник.

Света мимолетно бросает взгляд меня, и я, блядь, понимаю, сегодня уже понедельник. Кукла не ела ни черта почти неделю. С таким парадом она сама копыта отбросит раньше времени, а я так и останусь без информации о брате.

Слабый голос девчонки пронизывает меня спицами, когда она сама обращается к доку, считая, что меня тут нет.

– Умоляю, помогите мне. Зверь... он убьет меня.

– Выпей это. Ложись. Тебе надо отдохнуть.

Света дает ей что-то, после чего Аля вскоре отключается. В ее надежности я уверен, не станет док подставлять меня, поэтому за это даже не беспокоюсь. Молча выхожу из комнаты и даю хорошего нагоняя Лизке, что не проконтролировала. Она сразу же напускает невинность, но потом полностью признает свою вину, что перчаток не дала, что не кормила мою собственность, не проверила даже, жива ли она за эти дни. Если бы я не пришел сегодня, некого было бы уже лечить.

Еще через полчаса ко мне в кабинет заходит док. Выглядит уставшей, хотя ей не привыкать.

– Выкладывай.

– Вколола ей обезболивающее и жаропонижающее. Дыхание нормализовалось, шок тоже купирован медикаментозно. Дала успокоительное. Она спит.

– Когда оклемается?

– У девочки истощение, жар и к тому же аллергия на химикаты. Ее рана на щеке разошлась, пришлось заново зашивать. Будет грубый рубец, не позавидуешь. И еще на стопах сильные натертости, она не сможет ходить, если и дальше будет носить ту обувь, которая привела к этому.

– Понял. – Сжимаю кулаки до хруста. Ясно, чего она тогда упала.

Уходя, док еще раз обращается ко мне. Позволяю, но только ей.

– Господин Власов, мы знакомы не первый год, поэтому я осмелюсь высказать свое скромное мнение. Если не хотите, чтобы девочка выжила, просто пусть никто к ней пока не заходит. Она умрет сама дня через два от горячки или дня через четыре от голода. Если же хотите, чтобы выкарабкалась, смотрите, чтоб ее кормили. И вот еще. – Протягивает мне какой-то бутылек. – Это мазь. Очень сильная. Наносить на руки дважды в день, даже если спит.

Протягиваю докторше хорошо набитый конверт.

– Держи, заработала.

Берет не задумываясь. Мы хорошо ладим.

Удивляюсь доку. Ей никогда нет дела до пациентов, а тут, гляди, прониклась прям, советы раздает.

Света уходит, стуча каблуками, а я закуриваю и глубоко затагиваюсь, выпуская седой дым через нос. Часы отбивают два ночи, на улице тьма, так же как и у меня в груди. Думаю,

что делать. Мысли роятся в голове, но никак не складываются в пазл. Чертыхаюсь и иду к ней.

Отворяю дверь и прислушиваюсь. Очень тихо везде, спит все еще, кажется, хотя, зная Свету, уверен: девчонка будет в отключке до самого утра. Долго смотрю на куклу и поражаюсь, как можно одновременно быть такой дрянью и выглядеть как ангел, мать ее. Природа жестока, но я еще жестче и не поведусь на этот паршивый театр одной актрисы.

Ее длинные ресницы лежат на щеках и веером отдают легкой тенью. Лицо красивое, кукольное. Хотел шрамом ее подпортить, но ни хрена, все равно красивой сука осталась. Губы эти чертовы, красные от температуры и сухие от жажды. Вспоминаю, как прикасалась ими к моему члену, и ствол сразу же каменеет. Стараюсь переключить мысли, иначе меня просто разорвет от этого воспоминания.

Секунды кажутся часами. Она это сделала, она, вот только зачем? Что ее вынудило? Неужели можно так играть в невинность, прикрывая свое истинное лицо? Оказывается, можно. Не дам я ей сдохнуть сейчас. Рано еще, не заслужила так просто выйти из игры и долг свой в полной мере не отработала.

Сажусь на край одеяла, кладу ее руки себе колени. Открываю этот чертов пузырь от дока и наношу мазь на нее руки. Кто бы увидел, не поверил бы, что Руслан Власов лично ухаживает за какой-то шлюхой малолетней. А нет, ей уже девятнадцать, вот только разница в семнадцать лет между нами

меня ничуть не успокаивает.

Быстро забинтовываю обе ее руки. После войны я профи в этом. Живи, сука, рано тебе подышать, пока про Арсена мне не выложишь все, а ты все расскажешь, я сам позабочусь об этом.

Глава 10

Просыпаюсь оттого, что мне жутко хочется пить. Во рту настолько сухо, что тяжело глотать. Губы пересохли и жестко потрескались, я облизываю их в попытке смочить слюной.

Открываю глаза. Голова просто гудит, а в висках неприятно пульсирует. На дворе уже день, и из окна ко мне доносится яркий луч света. Как же давно я не была на улице. Оглядываюсь по сторонам. Я все еще в комнате моего палача, лежу на кровати, по грудь укрыта одеялом. Странно, почему он не велел отнести меня в мою камеру или вообще не выкинул где-то у трассы. Я нисколько не сомневалась, что ему не нужна сломанная игрушка, разве что он еще не наигрался ею сполна.

Вижу неподалеку от себя бутылку с водой. Кто-то оставил ее здесь. Для меня? Не думаю. Взгляд невольно падает на руки. Моих старых самодельных бинтов нигде нет. Обе руки туго перебинтованы белоснежными бинтами. Пробую пошевелить пальцами. Все еще больно, но не так сильно. Прислушиваюсь к ощущениям. Мне точно немного легче, температура вроде бы спала, но даже малейшие попытки подняться

с крахом проваливаются. Кажется, я сильно ослабла.

Перед глазами пролетают картинки воспоминаний. Кажется, я снова видела врача, ту самую строгую и жесткую женщину, что зашивала мне рану на лице без единой эмоции. Она что-то спрашивала у меня, вот только я уже не помню, что именно. После докторша подала мне лекарство, после которого, наверное, я и отключилась.

Я не видела никаких снов. Только густая тьма, беспробудная, страшная и давящая, она окутывала меня все сильнее, заставляя умирать в ее объятиях. Я бы могла сдаться, я даже хотела этого, чувствуя сильнейшую боль, но не позволила себе перестать бороться. Не могу я. Не имею права.

Воспоминания наваливаются с новой силой, и перед глазами снова он. Кажется, палач приходил, чтобы убить меня, или мне просто показалось. А еще я помню, как Руслан сидел у моей кровати. Он точно трогал мои руки, касался меня... или мне это привиделось.

По коже проносится мороз от понимания, что зверь мог не остановиться и сделать со мной все, что хотел, даже будь я в отключке. Он хотел меня снова, но я бы не вынесла этого опять. На глаза наворачиваются слезы. Я совершенно беззащитна перед ним.

Резко поворачиваю голову, когда дверь отворяется. На пороге стоит Лиза. Ее выражение лица точно как на похоронах. Наверное, последнее, что она хочет сейчас видеть, – это я. В ее руках поднос с чем-то дымящимся. Доносится крутой

запах бульона, и у меня все переворачивается в животе от голода.

Лиза ставит поднос на стул у моей кровати, раздраженно вздыхая, но я сразу вижу перемену в ее поведении. Он словно запугана. Или наказана. Я не жду от нее помощи, поэтому искренне удивляюсь, увидев ее в едой в руках.

– Ешь. И не вздумай вылить, а то меня потом Власов точно по стенке размажет. Чтобы к вечеру уже на ногах была, уяснила?

– Да, спасибо, Лиза.

– Спасибо на хлеб не намажешь, хотя чего с тебя взять-то. Руслан дал тебе отсрочку на пару дней, но сильно не расслабляйся, никто, кроме тебя, работу не сделает. Отрабатывать придется вдвойне.

– Я поняла. Спасибо за еду.

Лиза разворачивается и уходит, а я кое-как беру ложку и начинаю медленно уплетать дымящийся, умопомрачительно пахнущий бульон. Горячая жидкость мгновенно согревает меня, и, кажется, я немного оживаю. Впервые поев за долгое время, я наконец чувствую прилив сил.

Медленно поднимаюсь с кровати, придерживаясь за изголовье. В теле все еще чувствуется слабость, но времени, чтобы нормально отлежаться, у меня просто нет. Захожу в ванную и обнаруживаю свежую повязку на щеке. Осторожно отрываю ее и закусываю губу. Новые швы наложены, рану снова зашивали, отчего рубцы стали еще грубее. Тяжело сгла-

тываю. Мне больно видеть себя такой: истощенной, больной, но я не имею права отказаться. Не будет мне тогда прощения, сама себя изведу. Ему в сто раз хуже, чем мне.

Весь день провожу в постели, периодически то засыпая, то просыпаясь. Вечером я уже практически уношусь в царство Морфея, как дверь резко отворяется. Так входить может только он. Без стука, раскрывая дверь нараспашку и заполняя собой все пространство в одночасье. Я чувствую Руслана по одному только запаху и с ужасом понимаю, что аромат мужчины я запомнила на всю жизнь, а что еще страшнее – он мне не противен. Наоборот, притягивает магнитом, опасно маня к себе.

– Очухалась уже?

Опускаю глаза. Все еще не могу смотреть прямо на него. Энергетика мужчины подавляет меня, заставляет подчиниться. Руслан выглядит серьезным и хмурым, хотя, впрочем, он всегда такой. Суровый, жестокий и холодный как лед. В его глазах сверкает что-то хищное, и это заставляет бояться.

Молчу. Я знаю, зачем он здесь. Пришел за тем, что в прошлый раз не получил. Он хочет меня. Свою бесправную игрушку.

– Вставай.

– Нет, пожалуйста...

Даже не представляю, как выдержу это снова, да еще в таком состоянии. Слезы наворачиваются на глаза. Он не поща-

дит меня.

– Села, я сказал.

Медленно поднимаюсь, опускаю ноги с кровати. Уж лучше я сама, чем он будет касаться меня. Не позволю.

Мужчина берет стул и садится напротив. Даже так он кажется огромным против меня. Руслан медленно вынимает нож из кармана джинсов, отчего я просто застываю на месте.

Это же то самое лезвие, которым он порезал мне лицо. Неужели он хочет закончить начатое? Вот так просто – я умру, сидя на кровати своего палача, и даже противиться не смогу. Он прихлопнет меня, как мошку, летящую к свету. Сердце больно сжимается. Я жить хочу, даже после всего хочу.

В грудь пробивается холод. Он сделает это – убьет меня прямо сейчас? Хотя оно и понятно, от больной заложницы ему еще меньше толку, чем от здоровой. Одни расходы, наверное. Он выглядит раздраженным, и я уже не сомневаюсь, что все мои самые страшные предположения правдивы.

Решаюсь сама посмотреть ему в глаза. Впервые. Не могу я больше выдерживать это. Тихо, почти шепотом:

– Не делайте мне больно, прошу.

– Мне не нужны твои просьбы. Они не действуют на меня.

Как замороженная наблюдаю за Русланом. Он берет мои руки и кладет их себе на колени. Сверкает нож. Я зажмуриваюсь, даже дышать перестаю, но не чувствую боли. Слышу звук разрывающихся бинтов.

Медленно открываю глаза. Мужчина снял мои повязки и ими вытер остатки мази. Дальше он берет с тумбочки баночку с мазью и наносит ее мне на руки. От каждого его прикосновения мне больно, словно током бьет, и я не думаю, что это только от ран. Он просто так действует на меня, как заряд электрошокера, парализуя все живое во мне.

Я шиплю и пытаюсь вырваться, но его захват настолько жесткий, что малейшее сопротивление лишь делает хуже и причиняет новую боль.

Закусываю губу, когда взгляд падает на руки Руслана. Бронзовая загорелая кожа, крупные ладони, полные вены отчетливо проступают. Такими руками он может задавить меня двумя пальцами, даже не напрягаясь.

Удивляюсь тому, как же мастерски мужчина орудует бинтом, словно лет десять проработал хирургом. Он ловко перевязывает по очереди обе руки точно так же, как они были с утра забинтованы. Ничего не понимаю... Это что, он и первый раз сделал мне перевязку?! Я совсем этого не помню. Господи, он касался меня, пока я спала...

Закончив с процедурой, палач встает и опирается руками по обе стороны от меня, настигая, смотря прямо в глаза. Невольно отклоняюсь назад, стараясь увеличить расстояние между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.